

УДК 101.1:316
ББК 87

ЭКОНОМОЦЕНТРИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА ¹

Семерник Снежана Здиславовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы;
Докторант кафедры философии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
snezha05@mail.ru
ул. Ленина, 32, 230023 г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается развитие современного социума, организованного на принципах экономоцентризма – мировоззренческой установки, абсолютизирующей влияние роли экономического фактора в социальной динамике. Проникновение логики и психологии тотального обмена, а также принципов коммерциализации в широкий спектр социальных транзакций приводят к созданию ситуации неблагоприятного функционирования социума, подвергают его риску деградации и распада. При этом отмечается, что сфера рисков неуклонно нарастает, вовлекая в свое пространство множество новых феноменов, ранее не рассматривавшихся в качестве рисковых. Автор выделяет виды рисков, характерные для экономоцентричного общества, указывает на их деструктивный потенциал, рассматривает варианты выхода из сложившейся ситуации. Предложено противопоставить экономоцентричной логике принципы культурного детерминизма, ориентированного на рассмотрение экономических феноменов в контексте социокультурной реальности, в которой данные процессы осуществляются. По мнению автора, смена вектора социокультурного развития от экономики к культуре, внимание к антропологической проблематике поможет улучшить ситуацию общественного развития в целом.

Ключевые слова: общество, риск, экономика, экономоцентризм, конструктивизм, мировоззрение, перспективы развития.

Известное выражение германского промышленника и финансиста Вальтера Ратенау «экономика – это судьба» емко и лаконично очерчивает социокультурный профиль современной нам эпохи, формирование характерных черт которой связано с восхождением ново-европейской цивилизационной парадигмы, сориентированной преимущественно на запросы капиталистического уклада общества.

Новоевропейское капиталистическое общество, создав специфический культурно-исторический и социально-экономический проект развития социума, серьезно расширило

сферу воплощения собственных идей и целей во временной и пространственной перспективе. Оно не только создало условия для диалектического «отрицания» нормативности и эмпирической данности традиционного общества, но и приложило все усилия для того, чтобы аутентичные ей принципы обрели абсолютное господство как на европейском пространстве, так и в мире в целом.

В результате начиная с рубежных десятилетий XVI–XVII вв. общество вышло на магистральный путь развития, заданный логикой, абсолютизирующей экономические отноше-

ния. На первый план выходят индивидуалистические тенденции (И. Бентам, Дж. Локк, Д.С. Милль и т. д.), достаточно быстро оформившиеся в перспективы развития не личности, но абстрактного индивидуума, легко превращающегося в «экономического человека». Центральным системообразующим фактором становится рынок, оперирующий принципом максимизации полезности, определяющим экономическое поведение агентов этого рынка. Социокультурный срез названного фактора выражается в возникновении и развитии идеальной максимы о наличии между людьми не сотрудничества, кооперации, взаимодействия, солидарности (как это характерно для коллективистских ориентаций общества), но противоборства, конкуренции, только и способных, согласно рыночной логике, организовать рыночное равновесие и гармонию спроса и предложения максимального числа субъектов экономических отношений.

Названная совокупность методологических установок позволила обосновать идеи капиталистического развития общества, сделать акцент на либерально-демократических принципах его функционирования. Однако, как показала практика конца XX – начала XXI в., победа либерально-капиталистического проекта в глобальном масштабе позволила не столько насладиться торжеством ценностей свободы (свободного рынка, свободного предпринимательства, свободного индивидуума и т. д.), сколько обнаружила в глубинных пластах социального, организованного по указанным принципам, наличие серьезнейших проблем (стремительное расслоение общества, обнищание не только отдельных стран, но и целых континентов [10], вытеснение реального сектора экономики на периферию финансовых манипуляций (см.: [1; 2; 4; 5] и т. п.), для решения которых недостаточно анализировать отдельные модели социально-экономического развития (капитализм – социализм, рыночная экономика – плановая экономика и т. д.), но необходимо переосмыслить в целом роль экономического фактора в социокультурной динамике.

Данное требование представляется актуальным еще и потому, что в свете развивающейся сегодня методологии конструктивизма, понимание экономических процессов уже

не укладывается в схему объективистских высказываний, ориентирующихся на безликие закономерности социального развития, но выводит на выявление роли субъективных установок, представлений, принципов, ценностей, выступающих решающими факторами в формировании жизненного пространства современного общества и человека.

Как справедливо отмечает В.В. Попков, конструктивистская деятельность в рамках социально-экономической сферы является неотъемлемой чертой ее функционирования: «В экономике мы имеем дело не с отделенными от нас событиями, а с мирами, порожденными нашей деятельностью. В отличие от естественных наук в социальных науках теории способны менять способ функционирования системы» [6, с. 10]. В связи с чем вопрос о доминирующих теоретических предпочтениях, формирующих каркас современной экономической науки, выступает не просто вопросом о концептуальных тонкостях последней, но имеет прямое отношение к реальной практике повседневной жизни самых широких социальных общностей.

В свете сказанного хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что отличительным признаком современного этапа развития социума является ярко выраженная установка значительного числа социальных субъектов на экономоцентризм – мировоззренческую позицию, абсолютизирующую значение экономических отношений. Экономические отношения, понятые как абсолютная доминанта и приоритет в социальных транзакциях, организуют социальное пространство на специфических, аутентичных логике обмена и тотальной коммерциализации принципах взаимодействия. Это приводит к тому, что значительная часть социальных отношений, в сущностных своих характеристиках не являющихся коммерческими или шире – экономическими как таковыми, – вступают в фазу неблагоприятного функционирования, подвергаются риску деградации и распада.

Риск, примененный к социальной ситуации развития и обозначенный как социокультурный риск, рассматривает вероятность неблагоприятного развития социума в важнейших сферах его функционирования. Понятие «социокультурный риск» является новой де-

финицией для современной исследовательской рефлексии. Тем не менее возникновение данного термина и стремление выявить стоящую за ним реальность являются вполне закономерным явлением [9]. Поскольку собственно риск рассматривается современными исследователями как явление, сущностью которого выступает *решение*, субъективное по своей природе [7]. Следовательно, без ложной патетики можно утверждать, что судьба развития современного общества находится в руках самого этого общества. В связи с чем осознание реализации возможных негативных (риск) и позитивных (успех) вероятностей социокультурного развития является необходимой предпосылкой стратегически значимых, конструктивных решений.

В обществе, сориентированном на реализацию норм стремящегося к самовозрастанию капитала, – эконоцентричном обществе – характер и формы реализации рисков стратегий развития напрямую связаны с тотализацией (фетишизацией) идеи экономического роста.

Прежде всего это *риск, связанный с увеличением количества непотребленных продуктов*. Как справедливо отмечают исследователи, произошло перепроизводство продукта в новом виде и нового типа (сегодня спектр продукции чрезвычайно расширен: это не только привычные нам продукты, но и неизвестные ранее, с набором до конца непонятых свойств. В своей хозяйственной деятельности человек производит и материальные продукты, а также нематериальные, культурные, духовные и даже трансцендентные и имманентные, к потреблению которых современное общество не готово, хотя смутно осознает присутствие последних).

Классическое перепроизводство, приведшее к кризису рубежа XIX–XX вв., известное миру под названием «Великая экономическая депрессия», еще не знало такого масштаба и размаха. Избыточность новых форм производства несоизмеримо больше. В связи с чем приходится предполагать вероятность наступления кризиса (первый этап которого начался уже в 2008 г.), по разрушительной силе в разы превышающего кризис столетней давности.

С вышеназванным сопряжен также *риск, связанный с проектами дифферен-*

циации мирового сообщества. Здесь можно выделить два уровня рассмотрения проблемы. Во-первых, собственно хозяйственно-экономический. Во-вторых, – социокультурный. Первый уровень связан с тем, что в эпоху, предшествующую Модерну, в сам Модерн, а также в ранний Постмодерн производство в значительной степени было общественным, требовало большого количества участников. Сегодня созданы технологии, которые с неизбежностью предполагают вытеснение «лишних» людей, количество которых, по оценкам аналитиков, приближается к 90 % от ранее востребованных. Другими словами, сегодня достаточно 10 % работников от числа рабочей силы, используемой на предприятиях в индустриальную эпоху, чтобы обеспечить современный уровень производства. На этом фоне запущены процессы деклассирования: создания властной элиты и размывание среднего слоя общества.

В свою очередь, такая дифференциация создает условия для возникновения рисков в широком социокультурном контексте. А именно: сокращение достаточно хорошо обеспеченной человеческой массы приведет к сокращению базы для формирования культурной и научной элиты общества, что в конце концов приведет к разрушению основ той цивилизации, к созданию процветающего настоящего которой общество двигалось не одну сотню лет.

Следующий риск связан с *дискриминацией идеи труда в социокультурном контексте эконоцентричного общества*. Метаморфозы, произошедшие с идеей труда за последние десятилетия ушедшего века, оказались столь значительными, что сегодня от того культурного проекта, в котором труд выступал несущей конструкцией, выступал в роли фетиша, которому поклонялись, приписывали право измерять значения важнейших социально-экономических отношений, абсолютизировали в качестве непререкаемой культурной нормы, не осталось и следа. Вытесненный на периферию общественного сознания, рассматриваемый как удел новых илотов, не способных приобщиться к классу господ жизни, феномен труда с его аскетикой трудовых будней, напряженным созиданием и высшей ипостасью – творчеством – не просто не востребован, но подвергается осмеянию и ост-

ракизму. Наиболее опасное проявление названной тенденции – *риск подрыва сущности творческой деятельности как таковой*.

Творческая деятельность, ориентированная не на создание культурных ценностей, а на получение прибыли (то есть творчество подчинено задачам самовозрастания и смены форм капитала, непосредственно – финансовые спекуляции, опосредованно – маркетинг, консалтинг и т. п.), вырождается в деятельность по воспроизводству денег, утрачивая содержание творчества. Другими словами, творческая деятельность, культурные ценности и человек-творец превращаются в репродуктивный труд, деньги и *Homo economicus*.

Огромное количество субъектов, занятых в подобном превращенном секторе труда, заинтересованы в сохранении сложившейся системы производственных отношений, так как продукты труда, лишённого творчества, обладают стоимостью только при сложившейся системе, в которой доминирующей силой является капитал. Следовательно, чем больше разрастается сектор труда, занимающегося псевдопроизводством (изготовлением симулякров), тем меньше вероятность того, что общество добровольно откажется от выстроенной губительной для него модели отношений, поскольку слишком большое количество участников подобных отношений получают от них прямую выгоду.

Еще один немаловажный риск происходит от абсолютизации роли отдельного индивидуума, который в качестве *Homo economicus* легко включается в рыночные отношения, но не приспособлен для создания социальных общностей. В связи с этим возникает *риск, связанный с сознательным употреблением усилий по рациональному согласованию индивидуальных целей* [5, с. 141].

В социуме существует неосознаваемое людьми общее поле (в терминологии П. Бурдьё – *габитус*), где самые трудные для согласования вопросы уже сопоставлены и решены на уровне коллективного бессознательного. Либеральная теория рассматривает людей как вообще неспособных к какой-либо длительной и устойчивой интеграции. Она делает упор на рациональный выбор, рациональную оценку наличной ситуации и т. п., что не только неадекватно отражает реальный смысл социальных

отношений, но и в принципе делает невозможной какую-либо коллективность.

Немаловажным представляется также тот факт, что XXI в. унаследовал от своего предшественника – века XX – идеологию общества потребления, явившуюся результатом организации социума на основе экономического императива в качестве центральной метаориентации системы.

В.А. Кутырев, используя футурологическую патетику советских времен, пишет: «Теперь лозунг светлого будущего может звучать так: “Потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны”» [3, с. 69]. Так в одной емкой фразе подытожена вся глубина встающих перед современным обществом проблем.

Инноватизация, понимаемая как голая технизация, развиваемая в ответ на запросы экономики, вне учета собственно человеческих и социокультурных дискурсов, способна не только не оправдать ожидания людей на второе рождение «общества всеобщего благоденствия», но и стереть с лица земли самого не такого уж разумного *Homo sapiens*'а. Технично-технологические практики, агрессивные по отношению не только к природе и обществу, но и собственно человеку как индивиду (биологическому виду), – яркое тому подтверждение.

Капитализм с его любимым детищем – рынком, предлагающим применять тотальность меновой психологии и философии во всех случаях общественной и индивидуальной жизни, также не способствует возвышению, усложнению и в конечном счете процветанию самого человека.

Поэтому представляется необходимым сформулировать некоторые принципы, назначение которых – преодолеть эконоцентризм современного общества, вывести его из создаваемой данным мировоззрением зоны риска. Для осуществления данной цели необходимо решить следующие стратегические задачи:

1. Вернуть экономику в пространство культуры, этики, социальности, для чего необходимо разработать этико-правовую модель ответственности бизнеса за неэффективные с точки зрения социальности решения и действия, а также разработать механизм экспер-

тной оценки и контроля за реализацией хозяйственно-экономических проектов как в области частного предпринимательства, так и на государственном уровне.

2. В целом сменить социокультурный статус экономической сферы. Из доминирующего принципа развития экономика должна перейти к функциональной зависимости от социальности. Другими словами, не общество для экономики, а экономика для общества и его нужд. Если социальность требует некоммерческого вложения, оно должно быть осуществлено исходя из принципов приоритета социальности.

3. Необходимо разработать и внедрить в практику принципы природоцентричной экономики или экологической экономики – такой модели экономического развития, которая бы учитывала специфику того природно-географического региона, в которой она будет функционировать.

На наш взгляд, применение названных принципов во многом позволит оздоровить ситуацию в сфере социально-экономических отношений, снизить риски развития современного социума.

Сегодня немало аналитиков, которые призывают переосмыслить весь культурный строй человеческой жизни и «подчинить экономику – хозяйству, технику – культуре, потребление – самосовершенствованию, рациональное – духовному» [3, с. 75]. Чтобы внедряться в практику общественной жизни, любые новации должны проходить социально-гуманитарные фильтры (социально-гуманитарную экспертизу). И только с учетом социокультурной специфики и тех реальных (а не абстрактных, выведенных математическим расчетом) отношений, складывающихся между людьми в процессе их жизнедеятельности и собственно хозяйственной деятельности, устанавливать нормы и принципы экономической, культурной и политической деятельности.

Е.Е. Румянцева, анализируя пути улучшения жизни в современном обществе, возможности достижения всеобщего благосостояния, пришла к выводу, что основой благополучного типа хозяйствования – «экономики счастья» – должно быть широкое обращение к человеческому потенциалу: разумности, нравственности, лучшим проявлениям личности. В частности,

она пишет о том, что путь спасения человечества возможен через экономику счастья – «разумного позитивного взаимодействия духовно-нравственных людей, способных противостоять механизмам духовно-нравственной деградации в условиях товарно-денежных отношений» [8, с. 90]. Данный путь основывается на способности людей преобразиться самим и перевернуть мир, в котором они живут.

Таким образом, все больше специалистов самых разных отраслей науки (экономисты, юристы, психологи, философы и т. д.) приходят к выводу, что основой основ в построении общества являются не абстрактные законы и принципы взаимодействия систем, а конкретные люди, действующие в обществе. В зависимости от того, какой тип личности – конструктивный, созидательный, нравственный, разумный или деструктивный, разрушительный, безнравственный, неразумный преобладает в обществе, оно может рассчитывать на благополучие или неблагополучие собственного развития. Узость понимания собственного благополучия сквозь призму экономического детерминизма не просто сужает личностный потенциал человека, но искажает его, создавая специфическую зону риска в развитии человека и общества.

Поэтому наиважнейшим вопросом современной исследовательской рефлексии должен стать вопрос: каким он должен быть – человек будущего? И каковы социокультурные условия его воспроизведения? Какие стратегии его деятельности и мышления способствуют эскалации рискованного потенциала социального развития, а какие способствуют гармоничному развитию социума? От ответов на эти вопросы зависит наша дальнейшая жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ректора ГрГУ им. Я. Купалы № 01-41-12/2460-14 (г. Гродно, Республика Беларусь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «Денежной цивилизации» / В. Ю. Катасонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 1072 с.

2. Колпаков, В. А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости / В. А. Колпаков // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 12, № 2. – С. 203–211.

3. Кутырев, В. А. Модернизация: против бездумного инновационизма – за контролируемое развитие / В. А. Кутырев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – № 2. – С. 66–77.

4. Осипов, Ю. М. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге 21 в. / Ю. М. Осипов ; под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М. : Юрист, 2000. – С. 78–82.

5. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.

6. Попков, В. В. Экономический конструктивизм. Ускользающая реальность: что кроется за объективностью экономической науки? / В. В. Попков. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

7. Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001. – 347 с.

8. Румянцева, Е. Е. Экономика счастья / Е. Е. Румянцева. – М. : Инфра, 2010. – 96 с.

9. Шадже, Ю. А. Влияние социокультурных рисков на идентификационные процессы / Ю. А. Шадже // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 300–309.

10. Dikhanov, Y. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, And scenarios for 2015 / Y. Dikhanov. – N. Y. : UN, 2005. – 49 p. – Electronic text date. – Mode of access: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf (date of access: 07.09.2005). – Title from screen.

REFERENCES

1. Katasonov V.Yu. *Kapitalizm. Istoriya i ideologiya “Denezhnoy tsivilizatsii”* [Capitalism. History and Ideology of “Cash Civilization”].

Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2013. 1072 p.

2. Kolpakov V.A. Krizis ekonomicheskoy nauki kak poterya ee zhiznennoy znachimosti [The Crisis of Economic Science as the Loss of Its Vital Importance]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2007, vol. 12, no. 2, pp. 203-211.

3. Kutyrev V.A. Modernizatsiya: protiv bezdumного innovatsionizma – za kontroliruemoe razvitie [Modernization: Against Thoughtless Innovations – for Controlled Development]. *Filosofiya khozyaystva. Almanakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova*, 2011, no. 2, pp. 66-77.

4. Osipov Yu.M. *Ekonomicheskaya tsivilizatsiya i nauchnaya ekonomiya* [Economic Civilization and Scientific Economy]. Osipov Yu.M., Zotova E.S., eds. *Ekonomicheskaya teoriya na poroge 21 veka* [Economic Theory at the Turn of the 21st Century]. Moscow, Yurist Publ., 2000, pp. 78-82.

5. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v globalnom mire* [Orthodox Civilization in a Global World]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 496 p.

6. Popkov V.V. *Ekonomicheskiy konstruktivizm. Uskolzayushchaya realnost: chto kroetsya za obyektivnostyu ekonomicheskoy nauki?* [Economic Constructivism. Stealing Reality: Beyond the Objectivity of Economic Science?]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 200 p.

7. Mozgova A.V., ed. *Risk v sotsialnom prostranstve* [Risk in the Social Space]. Moscow, Izdvo Instituta sotsiologii RAN, 2001. 347 p.

8. Rumyantseva E.E. *Ekonomika schastya* [The Economics of Happiness]. Moscow, Infra Publ., 2010. 96 p.

9. Shadzhe Yu.A. Vliyanie sotsiokulturnykh riskov na identifikatsionnye protsessy [The Influence of Sociocultural Risks of Identification Processes]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, 2014, no. 4, pp. 300-309.

10. Dikhanov Y. *Trends in Global Income Distribution, 1970-2000, and Scenarios for 2015*. New York, UN, 2005. 49 p. Available at: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf. (accessed September 7, 2005).

ECONOMOCENTRISM AS A RISK FACTOR IN THE MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

Semernik Snezhana Zdislavovna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Candidate for a Doctor's Degree, Department of Philosophy,
Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (Saint Petersburg)
snezha05@mail.ru
Lenina St., 32, 230023 Grodno, Belarus

Abstract. The article studies the problem of modern society development, organized on the principles of economocentrism – ideological settings which absolutize the role of economic factor in the social dynamics. The penetration of logic and psychology of total exchange, as well as the principles of commercialization in a wide range of social transactions, lead to the unfavorable functioning of the society, putting it at risk of degradation and decay. It is noted that the scope of risks is steadily increasing, involving a number of new phenomena that were not previously considered as risky. The author highlights the risks typical for economocentric society, indicates their destructive potential, studies the possible resolutions. It is proposed to oppose the economocentric logic to the principles of cultural determinism, focusing on the consideration of economic phenomena in the context of sociocultural reality in which these processes are carried out. According to the author, the change of the vector of sociocultural development from the economy to culture will help to improve the situation of social development in general. It requires close attention to be paid to the personality. The issues on the identifying landmarks of the modern man, the type of person – consuming, economic or cultural, creative – largely determines the strategy of human actions in the society, defines the vector of the social system development. In this connection, according to the author, it is necessary to develop new models of economic development that would be focused not on abstract goal of increasing profits, and the specific needs of the individual, understood in terms of “economic man”, but in terms of “rounded individuals”. According to the author, in modern economic thought on the role of this promising model there is the idea of the “economy of happiness” – the direction of economic thought, promoting the fullness of human life that goes beyond its economics as the main target of socioeconomic development.

Key words: society, risk, economics, economocentrism, constructivism, outlook, development prospects.